

Гакем, третий из фатимидских калифов, обозначил свое правление всеми крайностями фанатизма и безумия. Не зная сам, чего он желает, и не принадлежа ни к одной религии, новый калиф то покровительствовал христианам, то преследовал их. Он не уважал ни постановлений своих предшественников, ни собственных своих законов; сегодня переменил постановленное вчера и производил повсюду беспорядок и замешательство. В своем легкомыслии и увлечении властью он доводил безумие до того, что считал себя божеством. Страх доставлял ему почитателей; ему воздвигали алтари в окрестностях старого Каира, который был им предан пламени. 16 тысяч его подданных падали перед ним ниц и молились ему как властителю живых и мертвых. Гакем презирал магометан, но не смел преследовать мусульман из-за их многочисленности. Этот бог трепетал за свою верховную власть и обратил весь свой гнев на христиан, которых он и выдал на жертву их врагам. Раздача административных мест христианам и злоупотребления при сборе податей, который препоручался им, навлекли на них ненависть всех мусульман. Когда калиф Гакем подал знак к преследованию,

христиане находили себе повсюду палачей. Сначала преследовали только тех, которые злоупотребляли властью, а потом взялись вообще за христианскую религию, и самые благочестивые становились самыми виновными. Кровь христиан проливалась во всех городах Сирии и Египта; их мужество среди пыток только увеличивало ненависть гонителей. Их жалобы и молитвы принимались за восстание и паказывались, как самые преступные покушения.

Весьма вероятно, что при преследовании христиан фанатизм соединился с политическим страхом. Герберг, архиепископ Равенны, известный под именем Папы Сильвестра II (см. о нем выше), видел бедствие верных во время своего странствования в Иерусалиме; возвратившись, он побуждал западные народы поднять оружие против сарацин. Все были тронуты жалобами и степаниями Сиона. В конце X в. пизанцы, генуэзцы и король Арелата Бозон предприняли морской поход против сарацин и сделали набег даже на берега Сирии. Подобные непрязненные действия и увеличивавшееся с каждым годом число пилигримов внушали справедливые подозрения властителям Востока. Невозможно,

---

носятся более к таланту писателя, нежели к его исследовательскому методу. Мишо использует документальные источники без пристального разбора. В первых двух томах следует исключительно Вильгельму Тирскому и Альберту Ахенскому; говорит часто об искусных речах как о достоверных документах; наконец, сам впадает по временам в лирическое настроение и риторику, так, например, когда он картинно говорит о роли Петра Пустынника на Клермонском соборе, между тем как едва ли Пустынник и присутствовал на нем. Но несмотря на все это, Зибель (см. о нем ниже) признает, что Мишо искупает вполне те недостатки «изумительным трудолюбием, пластичностью своей фантазии, способностью размышлять и отличным даром выражаться». Но главная заслуга Мишо состоит в том, что он был первый из тех, кто старался отнестись беспристрастно к Крестовым походам, после того искажения, которое они испытали в XVIII в. под влиянием господствовавшего тогда во французской литературе скептицизма: Вольтер (*Essai sur les moeurs*) и его последователи не хотели видеть в Крестовых походах ничего, кроме варварства, корыстолюбия и жажды грабежа. «Были писатели, – говорит Мишо в своем введении, – которые не видели в этих походах ничего, кроме самых плачевных заблуждений, не доставивших никакой выгоды последующим векам... нельзя, конечно, отрицать, чтобы Крестовые походы не послужили для своих современников источником слез; но как и всякое другое зло и невзгоды человеческой жизни делают человека лучшим и усовершенствуют его ум, эти походы ускорили зрелость народов, и хотя они на минуту поколебали общество, но впоследствии они же послужили к упрочению его основ».